

МИФОЛОГИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА И В. БРЮСОВА

Особую значимость в раскрытии специфики поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова приобретает мифологизация концепта «Любовь». В.С. Баевский полагает, что «на протяжении всего творчества Пастернака можно указать немало стихотворений, пугающе точно воссоздающих целые фрагменты мифологических систем» [1, с. 22]. Чувства у Б. Пастернака «изображаются словно впервые. Так, как они увидены и показаны, они увидены и показаны действительно впервые, в этом состоит родство с мифом» [1, с. 32]. Не менее существенны мифологические переживания и в поэзии В. Брюсова.

Мифологическая репрезентация концепта «любовь» у поэтов характеризуется разнообразием экспликаций.

Поэтическая система Б. Пастернака и В. Брюсова в определенной степени ориентирована на античность.

По мнению исследователей, «космогоническая модель, основанная на гомоморфизме человека и вселенной, занимает одно из центральных мест в мифопоэтическом строе творческого сознания Пастернака» [1, с. 35]. Частично идея гомоморфизма отражена в контексте: *Думал, — Трои б век ей, / Горьких губ изгиб целуя: / Были дивны веки / Царственные, гипсовые. / Милый, мертвый фартук / И висок пульсирующий. / Сти, царица Спарты, / Рано еще, сыро еще* [2, с. 77]. В.С. Баевский, указывая на

господство идеи гомоморфизма в «Сестре моей — жизни», комментирует приведенный выше контекст так: «Мир под луной оборачивается рядом гипсов, никем не лепленным бюстом <...>. Веки живой женщины определены внешне малоподходящим эпитетом гипсовые, мотивированным отдаленными ассоциациями с античностью — Троей и Спартой — через имя Елена <...>. Он приобретает несравненно большее значение в системе идей о лежащей на человеке и на вселенной маске, под которой не всегда дано разглядеть сущность. В контексте творчества понятен и детерминирован неожиданный и произвольный в контексте стихотворения стих: Что в том, что на вселенной — маска? В конце стихотворения искусство как пересоздающая мир сила дается через образ этого же семантического ряда: Но вещи рвут с себя личину» [1, с. 35–36]. Далее исследователь пишет, что эпитет «гипсовая» уже развернут в сложную цепь тропов, и стало понятно, что мир в разнообразии его подробностей предстает перед поэтом гипсовым слепком. Он становится монументальнее — но и прозрачнее именно из-за монументальной обобщенности» [1, с. 114].

«Космогонический акт как процедура создания первовещей путем их названия присутствует в ряде индоевропейских мифологий» [1, с. 31]. Ю.М. Брюханова утверждает: «Пастернак пытается заново поименовать предметы и явления окружающего мира <...>. Главная цель поэта — познать мир и передать другим это значение» [3, с. 86]. У Б. Пастернака «мотив табуирования имен» связан «с мотивом наименования (переименования) как сотворения (претворения) мира» [1, с. 31]: *Пошло слово любовь, ты права. / Я придумаю кличку иную. / Для тебя я весь мир, все слова, / Если хочешь, переименую* [2, с. 330]. Кроме этого, в приведенном выше контексте любовь приобретает коннотацию 'отсутствие духовности', поскольку «если же она лишена духовного начала, то она пошлость (Сенкевич)» [4, с. 223].

У В. Брюсова античная мифологизация концепта «любовь» представлена более продуктивно. Актуализируется мифологизация данного концепта в названиях поэтического цикла «Шаги Афродиты» [5, с. 65] и стихотворений: «Заклятье Эроса» [5, с. 62], «Гимн Афродите» [5, с. 64], «Шаги Афродиты» [5, с. 65]. Объекты любви Афродита, Amor, Венера, Эрос представлены в разнообразных контекстах. Многочисленны тексты, в которых отражается божественная сущность Афродиты: она бессмертна: *Гимн Афродите бессмертной сложившаяся, смертная Сапфо, / Всех, кого гонит любовь к морю, заступница ты!* [6, с. 325], полна света и божественной радости: *Гимны слагать не устану бессмертной и светлой богине. / Ты, Афродита-Любовь, как царила, так царствуешь ныне. / Алыми белый алтарь твой венчаем мы снова цветами, / Радостный лик твой парит с безмятежной улыбкой над / нами* [6, с. 103]. Рожденная из морских вод: *Сеет Хронос алой пеной, / Чтоб земле всплыла Любовь* [5, с. 108], она обладает роковой властью: *Идет, безвольно уступая, — / Власть Афродиты рокова!* [5, с. 185]. Путь к ней труден и вызывает состояние страха: *Как с камней пыль, мгновеньем свиты / Огни «Лито», темь «Домина». / Крута ступень в храм Афродиты, / Лицо, в знак страха, склонено!* [5, с. 405].

Амор в брюсовских контекстах наделяется оценочными характеристиками и ассоциируется с талисманом (аллюзия на А.С. Пушкина): дифференциальная сема 'хитрость': *Сын Вены, Амор лукавый, / Храни меня отныне ты, / Встанут, как из-за леса главы, / Любви заветные мечты* [6, с. 174], дифференциальная сема 'жестокость, безжалостность': *Нет науки любви. И, глядя строго, / Беспощадный Амор над тем хохочет. / Должно нам принимать богов решения / Кротко: радости и любви мученья* [6, с. 327]. Любовь подобна уколу, стреле Эроса: *Что мы чувствуем? Укол, оцущимый чуть, / В сердце. Подумаем: признак энкардита. / Не догадаемся, домой уходя, мы ничуть, / Что смеется у нас за стеной Афродита* [5, с. 111]; *Шаги судьбы по камням мира, свисты / Стрел Эроса, соль моря — любишь ты* [5, с. 85]. В следующем контексте Эрос-судьба манифестируется словосочетанием *ребенок златокудрый*, содержащим дифференциальную сему 'чистота чувств': *Не надо спора. Буду мудрым. / Склонюсь покорно головой / Пред тем ребенком златокудрым, / Что люди назвали Судьбой* [6, с. 44]. Наблюдается у В. Брюсова персонификация любви посредством античных образов: а) любовь — царица: *Что сводит в Ад любовь рабов своих, — / Прими мой стих, / Ты, Афродита!* [5, с. 64] (стих ассоциируется с жертвоприношением), б) любовь — странник: *Но вдруг, в одежде скромной и убогой, / Как странника, увидел я Амора <...> Меня, узнав, по имени окликнул / И мне сказал: «Пришел я издалека, — / Где сердца твоего уединенье. / Его несу на новое служенье!»* [6, с. 352].

В пастернаковском стихотворении «Эдем» также присутствует связь с мифом: «масштабы целого и его частей смещены в направлении, свойственном мифу. Адам вырастает до масштабов вселенной <...>» [1, с. 35]: *Минуя низменную тень, / Их ангелы взнесут. / Земля — сандалиш ремень, / И вновь Адам разут / И солнце — мертвых губ пробел / И снег живых мощей / Того, кто всей вселенной бдел / Предсолнечных ночей. / Ты к чуду чуткость приготовь / И к тайне первых дней: / Курится рубежом любовь / Между землей и ней* [2, с. 371–372].

У Б. Пастернака мифологизация концепта «любовь» реализована в контексте, где возлюбленная ассоциируется с морской феей Моргана, которая является олицетворением чего-то обманчивого, призрачного: *Моргая, моргая, но спят где-то сладко, / И фата-морганой любимая стит / Тем часом, как сердце, плеча по площадкам, / Вагонными дверцами сыплет в степи* [2, с. 48].

Как отмечают исследователи, «у восточных славян <...> известны представления о возникновении мира как о процессе, аналогичном изготовлению нити или полотна. По определению носителей традиционной культуры, мир «свивается», как нить, или «снуется», как основа для ткачества» [7, с. 509]. В поэтических текстах Б. Пастернака любовь также включена в процесс формирования мироустройства, уподобляется нитям — каналам связи всего сущего. Она выступает средством взаимодействия лирического героя с миром, то есть введена в систему отношений «Я» с миром. Отмеченная в пастернаковской поэзии метафорическая модель *любовь — канал связи* ярко иллюстрирует связь любви с мифологической нитью:

О нити любви! Улови, перейми. / Но как ты громаден, отбор обезьяний, / Когда под надмирными жизни дверьми, / Как равный, читаешь свое описание! [2, с. 44].

Вышесказанное свидетельствует о значимости мифологизации концепта «любовь» в поэзии Б. Пастернака и В. Брюсова. Обращение поэтов к мифологическим образам и сюжетам позволяет судить о первозданности восприятия любви и специфике их мироощущения и мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баевский, В.С. Б. Пастернак — лирик. Основы поэтической системы. — Смоленск, 1993.
2. Пастернак, Б.Л. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. — М., 2008.
3. Брюханова, Ю.М. Творчество Бориса Пастернака как художественная версия философии жизни: монография. — Иркутск, 2010.
4. Воркачев, С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. — М., 2007.
5. Брюсов, В. Собрание сочинений: в 7 т. / П.Г. Антокольский [и др.]. — Т. III: Стихотворения 1918–1924, стихотворения, не включенные В.Я. Брюсовым в сборники 1891–1924, поэма «Египетские ночи». — М., 1974.
6. Брюсов, В. Собрание сочинений: в 7 т. / П.Г. Антокольский [и др.]. — Т. II: Стихотворения 1909–1917. — М., 1973.
7. Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия / авт.: О.Г. Баранова, т. А. Зимина [и др.] — СПб., 2001.